

Здесь теперь будет наш дом

Бывать в Валдгейме и писать о нем мне приходилось не раз. Я еще застала те времена, когда здешний колхоз «Заветы Ильича», которым много лет руководил легендарный Владимир Пеллер, не растерял после его ухода из жизни былой славы и оставался наглядной агитацией счастливой колхозной жизни – туда с завидной регулярностью возили на показ иностранные делегации.

И никакой показухи тут не было – Валдгейм действительно был образцом зажиточного села, рачительного хозяйствования. И жили здесь почти по-городскому. Помню, как удивлялся корреспондент одного московского журнала, побывавший на колхозных полях и фермах: «Представляете, я не увидел там ни одного колхозника в телогрейке, а ведь у нас даже в подмосковных деревнях ее не снимают».

Это были восьмидесятые годы прошлого века. А в девяностых колхоза не стало, и последним председателем «Заветов» остался в истории села и в памяти его жителей Борис Рак – сын бывшего ломового извозчика и одного из первых колхозных трактористов Ихила Рака. Борис Ихилович стал и первым фермером Валдгейма, его примеру последовали братья и сыновья, другие бывшие колхозники. И Валдгейм вскоре стал самым крупным в области фермерским селом.

А началась его история весной 1928 года, когда прибывшие в эту лесную глушь еврейские переселенцы сказали сами себе: «Здесь теперь будет наш дом».

Кырма, Худзиновка, Валдгейм

Село появилось хоть и в лесной глухи, но не на пустом месте. И не сразу стало Валдгеймом.

Поначалу это место, где находилась казарма со служивыми людьми, предположительно, это были казаки, называлось Кырмой. В официальных источниках оно нигде не обозначено, в том числе не упомянуто ни в Энциклопедическом словаре ЕАО, ни в справочно-информационном издании «Административно-территориальное устройство Еврейской автономной области». На вопрос, что означает слово «кырма», интернет выдал ответ, что так переводится на алтайский язык слово задираться (придиরаться).

Остается только домыслить, что, быть может, среди служивых был представитель малочисленного алтайского народа, к которому придирились другие служивые?..

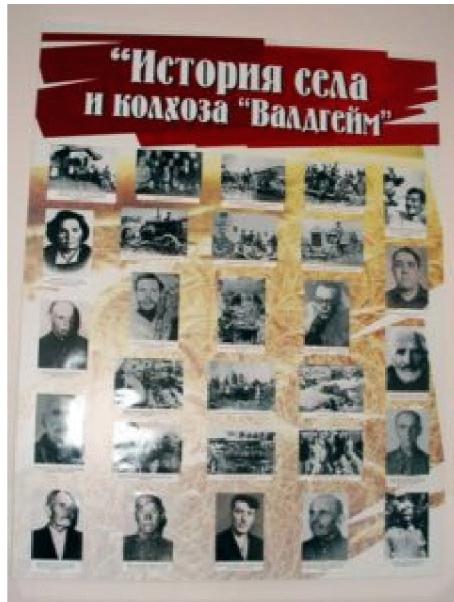
С Худзиновкой все намного понятней. Первым руководителем переселенческого отдела в будущем Валдгейме был некто Худзинский – ни его имени, ни отчества в открытых источниках я не нашла. А фамильный след этого человека остался в негласном названии

нового села, и это название употреблялось в народе даже после того, как оно стало Валдгеймом.

Словом, не на пустое место прибыли сюда в мае 1928 года первые еврейские переселенцы, как было принято считать в советские годы. Старожилы вспоминали, что бывали здесь и корейцы, и китайцы. Не имеющие опыта в строительном деле переселенцы привлекали их, а также и русских мужиков к строительству домов, учились у них огородному делу. Вот такая была взаимовыручка.

Первым домом для переселенцев-ходоков ближе к осени стал барак на пять семей, куда вскоре приехали их жены с детьми.

Кто они были, пионеры села?

На этот вопрос я находила самые разные ответы. В Энциклопедическом словаре ЕАО в главе, посвященной селу, сказано: «Основано в 1928 году семьями еврея Лейба Гефена и русского Кирилла Масленникова». В книге Б. Кобленца «Валдгейм», выпущенной в 1934 году, говорится о двух группах переселенцев, каждая из которых именовала себя артелью. Одна из них называлась «Най ид» («Новый еврей»), другая имела чисто русское название – «Заря Востока». В другом источнике называют артели «Эмес» и «Найколхоз».

По-разному пишут и о том, откуда прибыли переселенцы. Фигурируют Литва, Польша, Белоруссия (Могилев), Украина (Днепропетровск). И только в книге «Валдгейм» упомянута Казань, откуда прибыли Лейб Гефен и его братья Михл (Михаил) и Вульф (Владимир).

В одном источнике прочитала, что, прежде чем обосноваться в Валдгейме, группа Лейба Гефена вначале была отправлена в Бирское опытное поле, но разлившаяся после проливных дождей вода преградила переселенцам путь и им пришлось вернуться в Тихоньюку. Там незадачливым путешественникам предложили посмотреть другое, менее обжитое место, но более близкое к станции, где они и начали строить свой «лесной дом».

В поэме Арома Вергелиса, посвященной строительству Биробиджана, есть такие строки:

И не из бревен и глины,

И не одним топором

Строили мужчины

Наш лесной дом.

Трудно сказать, что подразумевал поэт под лесным домом, но именно так переводится с идиша название села – Валдгейм.

Одним из первых председателей здешнего колхоза с одноименным названием был, как известно, Эммануил Казакевич. Рассказывают, что писатель Тевье Ген специально приехал в начале тридцатых годов в Валдгейм, чтобы встретиться с другом детства Эмкой. В своих воспоминаниях Ген писал, что, когда друзья встретились, он спросил у Казакевича: «Где ты работаешь?» Тот ответил: «В колхозе, председателем».

Как этот молодой человек, витавший в мире поэзии, городской по рождению, оказался на этом посту, остается загадкой. Ведь и образование у него было совсем не сельскохозяйственное, а индустриальное. Тем не менее, по воспоминаниям старожилов, он мотался по колхозным бригадам и звеньям, подбадривал людей, поддерживал их, как мог. А по вечерам, сидя в маленькой колхозной конторе, штудировал сельскохозяйственные науки.

Приходилось председателю выезжать в тайгу на корчевку. Вот как написал об этом писатель Семен Бытовой, тоже приезжавший в Валдгейм: **«Мы прибыли в колхоз в третьем часу дня, но Эммануила не застали. Оказывается, он был на корчевке. Вернулся только к вечеру, усталый, до нитки промокший, с топором, засунутым за пояс, как заправский лесоруб».**

Это было летом 1933 года. К тому времени – а ведь прошло всего пять лет со дня основания села – здесь имелись, кроме ферм и полей, кирпичный завод, швейная и чулочная артели, хлебопекарня, почта, больница, школа и детский сад, клуб на 300 мест, столовая. А дорога от Биробиджана до Валдгейма была лучшей утрамбованной дорогой. К тому времени в селе проживало более 600 человек.

«Пионеры Биробиджана, все те, кто приехал в 1928 и 1929 годах, имеют отдельные дома по три комнаты и кухню. Заходя в такие дома, вы чувствуете, что здесь живут колхозники, которые приближаются к уровню зажиточности», – писал Б. Кобленц в своей книге «Валдгейм».

Среди этих пионеров были братья Гефены.

Из рода Гефенов

Макет дома Гефенов – экспонат музея

Фамилия эта прочно слилась с историей села. Но в основном как первостроителя Валдгейма чаще всего упоминают Лейба Гефена.

Да, он был разведчиком этих мест, но той же весной 1928 года сюда приехали, как я уже упомянула, его братья Михл (Михаил) и Вульф (Владимир). А осенью прибыли из-под Казани две сестры – Мира и Раиль, а с ними мать Гефенов, которой в то время было больше семидесяти лет. Немолод был и ее старший сын Лейб – когда он приехал на Дальний Восток, ему исполнилось пятьдесят лет.

– Вообще-то у бабушки Бэллы было семеро детей, пятеро решили уехать на Дальний Восток, двое остались на западе – Аким Гефен стал профессором в Москве, Матильда тоже жила в столице, – поведала мне малоизвестные факты своей семейной хроники Любовь Володарская, дочь Вульфа Гефена.

Любовь Володарская

Любовь Вульфовна родилась в Валдгейме в 1930 году – можно сказать, была одной из первых рожденных на этой земле жительниц села.

– Из первого поколения дальневосточных Гефенов в живых, конечно же, никого не осталось. Бабушка Бэлла умерла после войны, в 1949 году, жизнь прожила долгую, ей было больше девяноста лет. Это благодаря ей мы, дети, научились говорить на идиш, она сохраняла еврейские традиции. Мои родители тоже знали идиш, но общались на нем только между собой, – рассказывает моя собеседница. – Когда я родилась, мы жили в бараке на пять семей, потом уже поселились в бревенчатом доме. У нас была хорошая семья, родители приехали сюда с пятилетним сыном – моим братом. В колхозе мой отец Владимир Гershевич – так его все звали – заведовал свинофермой, мама Берта Савельевна работала бухгалтером. Дядя Лейб полеводом был, дядя Михаил – заведующим молочной фермой. Тетя Мира на этой ферме была дояркой. Работала в колхозе и другая моя тетя – Раиль Шаймер, она рано умерла. А вот тетя Мира прожила 92 года. Муж ее Абрам Дах тоже был одним из первых жителей Валдгейма, а их единственный сын Гриша не вернулся с войны, умер от ран в госпитале. У тети Раили тоже был один сын, его давно нет в живых.

Как рассказала Любовь Вульфовна, Лейб Гефен после войны переехал в Биробиджан, где жил его сын. Умер в 1965 году, похоронен на городском кладбище.

Михаил пережил брата всего на один год. Он так и прожил всю жизнь в Валдгейме, на сельском кладбище и похоронен.

С сыном Михаила Зямой Михайловичем мне приходилось встречаться. Он участник войны с Японией, великий труженик, прожил долгую счастливую жизнь, вырастил замечательных детей. Когда отмечали его 90-летие, столы накрывали в сельском Доме культуры – так много было гостей на юбилее. Последние годы Зяма Михайлович жил с дочерью Людмилой.

Людмила Шлюфман

Леонид Шлюфман

Людмила Зямовна Шлюфман (Гефен) из Валдгейма отлучалась только на учебу. Работала в местной больнице медсестрой. Муж ее Леонид Мартынович – врач. Сейчас эта медицинская семья занимается сельскохозяйственными работами на приусадебном участке: муж на тракторе пашет, жена пашню окультуривает. Два года назад на месте старого дома Шлюфманы стали строить новый, более просторный. Рядом – магазин, где хозяйничают дочери Ольга и Наталья – четвертое поколение Гефенов. Подрастает и пятое.

Зяма Михайлович был женат на Софье Львовне Брусиловской, сестре Почетного гражданина ЕАО, ветерана Великой Отечественной войны Лазаря Моисеевича Брусиловского.

Семья Брусиловских приехала в Валдгейм в начале тридцатых годов. Интересно, что у родных брата и сестры по недоразумению оказались разные отчества. Как рассказала Людмила Шлюфман, дело было так. Старшего сына Лазаря пошла регистрировать малограмотная мать, и когда ее спросили, как зовут отца, чтобы записать в метрике

отчество ребенка, она подумала, что спрашивают о ее отце и назвала его имя – Моисей. Так Лазарь и остался Моисеевичем. А уже сестре Софье записали в метрику правильное отчество.

Самой трагичной была судьба Вульфа (Владимира) Гефена – в 1938 году он был арестован и осужден по статье 58 – 1а (измена Родине, шпионаж). Вульф Гершевич, как и его братья, родился и жил некоторое время в Польше, скорее всего, с этим был связан его арест – выходцев из Польши, приехавших в ЕАО, пострадало в годы репрессий очень много.

– Мне было восемь лет, когда отца забрали. Помню, как пришли к нам домой двое мужчин, устроили обыск. Ни одной фотокарточки от отца не осталось в доме. Забрали его в августе, а в сентябре расстреляли. Нам никакой бумаги тогда не прислали, за что отца осудили, так и не смогли узнать, даже когда его реабилитировали в 1958 году, – вздыхает Любовь Вульfovна.

– В Книге памяти жертв политических репрессий есть информация о нем, – подсказывает.

– Не досталось мне этой Книги, к сожалению. Но я скажу, что после ареста и расстрела отца отношение к нам осталось хорошим. Маму в селе уважали. Родня поддерживала нас. В войну мы, дети, колхозу помогали, я маленькая была, пшеница ростом выше меня, а работать надо, жать. Пятнадцать лет было мне, когда война кончилась. Уже потом медаль мне вручили «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и стала я труженицей тыла. В этом году с Днем Победы меня сам президент Путин поздравил.

Любовь Володарская проработала многие годы связисткой. С мужем Ефимом Володарским они вырастили четверых детей, все они получили хорошее образование, но живут далеко от Биробиджана – в Германии, Израиле, Барнауле.

– А еще у меня семь внуков и девять правнуков – такая вот я богатая, – поделилась Любовь Вульfovна. – Жалко, что мой отец не дожил ни до внуков, ни до правнуков.

Валдгейм остался для нее лучшим местом на земле, и когда на душе становится неспокойно, она приезжает в родное село, и там душа успокаивается, оттаивает, на сердце становится теплее. Не зря ведь говорят, что дома и стены помогают.

Если подсчитать всех потомков Гефенов – первостроителей Валдгейма, то их наберется не меньше двухсот человек, если не больше.

День сегодняшний

Новые дома растут рядом со старыми

Иду по главной улице села, которая так и называется – Центральная. От «дома в лесу» здесь мало что осталось – вдоль дороги торчат либо пеньки, либо обрубки деревьев. Говорят, деревья обрубили и спилили, чтобы не мешали линии электропередачи. Старые же тополя вроде как отжили свой век. А ведь какой зеленой была эта улица, да и само село, когда я увидела его впервые – кроны деревьев буквально смыкались, образуя тенистую аллею. Сейчас в тень от палящего зноя можно спрятаться разве что под двухметровыми сплошными заборами, которыми сегодня окружают дома вместо привычного штакетника.

Таким забором огородили и самый старый дом села, сохранившийся от первых переселенцев. Новые хозяева пытаются придать ему современный вид, так что теперь лишь в местном музее по макетам и фотографиям можно будет увидеть, каким был Валдгейм девяносто лет назад.

Располагается музей, ставший краеведческим сектором районной библиотеки, в здании, где находилось правление колхоза «Заветы Ильича».

В музей любят приезжать иностранцы.

– Их интересует все, что связано с еврейской жизнью села. У нас сохраняются книги на идише, которые привезли сюда первые переселенцы, старые пластинки с еврейскими песнями, макет одного из первых построенных здесь домов. Учителя часто проводят в музее уроки истории и краеведения, – рассказывает заведующая сектором, хранительница музея Вера Иванова.

Вера Александровна родилась в Валдгейме и хорошо помнит, как звучал на сельских улицах идиш.

– Мы даже его немного понимали, – вспоминает она. – К нам тогда часто приезжали со спектаклями еврейские артисты и в Дом культуры набивался полный зал народу. Приходили даже те, кто не знал языка. А сейчас книги на идише стали музейными экспонатами, увы.

Но еврейский след в селе остался. Это глава администрации поселения Валентин Анатольевич Брусиловский – внук Лазаря Моисеевича Брусиловского. Это директор средней школы имени Исаака Пришкольника Андрей Бялик и его мать, заслуженный учитель РФ Юлия Борисовна Бялик. Это фермеры Наум и Александр Рак, Яков Копылов, фермерская семья Каплун…

Обратила внимание, что село прирастает новыми домами – большими, кирпичными, в основном двухэтажными.

– Это приезжие строятся в основном, – пояснили мне. – Земля здесь дешевле, чем в городе, а доехать до Биробиджана можно без проблем.

Действительно, автобусы в Валдгейм и обратно в город ходят от микрорайона Бумагина каждые пятнадцать минут. Можно сказать, что, как и Птичник, это село стало пригородом Биробиджана. Большинство его трудоспособных жителей работают на городских предприятиях и в организациях. Меньшинство занимается сельскохозяйственным трудом.

Правда, немало горожан тоже работают в Валдгейме – в школе, детском доме, больнице, культурных учреждениях. Село сохранило свою социальную инфраструктуру, поэтому в последнее время население здесь почти не сокращается, продавать дома люди стали намного реже. И это уже радует – значит, у Валдгейма есть будущее, есть перспектива развития.

С юбилеем тебя, село!